

спільність та взаємозв'язок східнослов'янських дитячих літератур — найбільш нерозроблена сфера сучасного літературознавства як у теоретичному, так і в історико-літературному аспектах» [7, с. 4]. Нерозробленою вона залишається й досі, тому вважаємо доцільним, залучивши наративний підхід, показати типологію оповідних моделей української та білоруської прози для дітей та підлітків кінця ХХ — початку ХХІ ст.

Література

1. Бадак, А. Адзінокі васьмікласнік хоча пазнаёміцца / А. Бадак // Адзінокі васьмікласнік хоча пазнаёміцца. — [Электронны рэсурс] — Мінск: Літаратура і Мастацтва, 2008. — С. 4–34. — Рэжым доступу: http://kamunikat.org/usie_knihi.html?pubid=21530. — Дата доступу: 23.10.2013.
2. Баравікова, Р. Казімір — сын Ягайлы + Насця з 8 «Б» = / Р. Баравікова // Адзінокі васьмікласнік хоча пазнаёміцца. — [Электронны рэсурс] — Мінск: Літаратура і Мастацтва, 2008. — С. 36–86. — Рэжым доступу: http://kamunikat.org/usie_knihi.html?pubid=21530. — Дата доступу: 23.10.2013.
3. Боров, Ю. Эстетика / Ю. Боров. — 3-е изд. — М.: Политиздат, 1981. — 399 с.
4. Гнідець, У. Література для юнацтва: простота і складність наративного дискурсу (на прикладі роману «Маргаритко, моя квітко» Крістіне Нестлінгер) / У. Гнідець. — Слово і час. — Київ, 2012. — № 10. — С. 36–41.
5. Деркач, Л. Наративна модель як спосіб художньої презентації світу / Л. Деркач // Наукові записки Тернопільського національного педагогічного університету ім. В. Гнатюка. Серія Літературознавство; редкол.: М. Ткачук [та ін.]. — [Електронний ресурс] — Тернопіль, 2011. — Вип. 31. — С. 245–256. — Режим доступу: <http://dspace.tnpu.edu.ua/bitstream/123456789/1197/1/Derkach.pdf>. — Дата доступу: 14.10.2013.
6. Крижовецкая, О. Современная беллетристика: дискурс и нарратив / О. Крижовецкая // Критика и семиотика // Новосибирский государственный университет; гл. ред. И. В. Силантьев. — [Электронный ресурс] — Новосибирск, 2009. — Вып. 13. — С. 204–212. — Режим доступа: <http://www.nsu.ru/education/virtual/cs013krizhovetskaya.pdf>. — Дата доступа: 23.10.2013.
7. Литвинов, Р. Белорусская детская литература советского периода в ее связи с русской и украинской детскими литературами: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.03 / Р. К. Литвинов. — Минск, 1976. — С. 4.
8. Папуша, О. Наратив дитячої літератури: специфіка художнього дискурсу: автореф. дис. ... канд. філол. наук: 10.01.06 / О. М. Папуша; Терноп. держ. педаг. ун-т ім. В. Гнатюка. — Тернопіль, 2004. — С. 3.
9. Папуша, О. Наратив дитячої літератури: специфіка художнього дискурсу / О. Папуша: дис. ... канд. філол. наук: 10.01.06. — Тернопіль, 2004. — 236 с.
10. Славова, М. Попелюшка літератури. Теоретичні аспекти літератури для дітей / М. Славова. — К.: ВПЦ «Київський університет», 2002. — С. 15.
11. Шмид, В. Нарратология / В. Шмид. — М.: Яз. слав. культуры, 2003. — 312 с.

Елена Лепишева (Минск)

«НЕКРИТИЧЕСКАЯ» ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНАЯ СИТУАЦИЯ В ПЬЕСАХ КОНЦА ХХ — НАЧАЛА ХХІ ВВ. (РУССКО-БЕЛОРУССКИЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ ВЗАИМОСВЯЗИ)

«Переходная эпоха» конца ХХ — начала ХХІ вв. с присущими ей социальной нестабильностью, мировоззренческой дезориентацией во многом

изменила художественную парадигму, сказавшись на взаимодействии двух родственных литератур: русской и белорусской. Несмотря на распад единого социокультурного пространства советского периода, не прекратился их активный творческий диалог, одной из форм реализации которого стали типологические схождения (осмысление одних и тех же явлений действительности, общая проблематика, эстетические поиски). Среди наиболее ярких примеров — творчество Елены Поповой, произведения которой, представляя современную белорусскую (русскоязычную) драму (А. Делендик, С. Бартохова, А. Курейчик), органично вписываются в русскую драматургию «новой волны» (Л. Петрушевская, А. Галин, В. Мережко, Н. Коляда).

На материале пьес Е. Поповой и ее русских коллег конца XX — начала XXI вв. мы попытаемся выявить типологические схождения и отличия, уделив внимание экзистенциальной ситуации, получившей широкое распространение в этот период.

Причина ее актуализации — усиление экзистенциального компонента художественного сознания*, возникшее как реакция на разлад человека с миром, не поддающийся рациональному объяснению. Это привело к новой творческой установке — «возврату к вещам, событиям, поступкам, людским судьбам как таковым» [2, с. 7], к рассмотрению вечных, экзистенциальных по сути, проблем человеческого существования (смысл жизни, смертность, ответственность за свою судьбу, бремя свободы).

Эти проблемы наиболее ощутимы в произведениях, выстроенных на экзистенциальных ситуациях, анализируя которые, мы сочетаем философский (Н. Аббаньяно, О. Больнов, В. Франкл) и собственно литературоведческий подходы (Н. Каблукова, О. Журчева, Г. Королькова). Будучи предметом экзистенциальной философии, ситуации этого типа репрезентируют крайне сложные взаимоотношения между «я» и «миром», «высочайшее напряжение перед лицом “ничто”» [1, с. 35]. Такой подход близок и некоторым литературоведам, обратившим внимание не только на сюжетобразующее, но на «мировоззренчески-содержательное» значение этих ситуаций [8, с. 278]. Они подчеркивают субстанциальную природу конфликта (неразрешимость, устойчивость, независимость от волевых усилий героя), сообщая ему яркий трагический аккорд.

Выбор экзистенциальной ситуации обуславливает как «внешний», так и «внутренний» планы выражения конфликта. Его развитие на внешнесобытийном уровне («я — мир») не предполагает углубленного исследования неблагоприятных обстоятельств, но помогает передать напряженное переживание распада мира, чему способствует система устойчивых мотивов (ожидание, страх, тревога, страдание).

Особые смысловые акценты вводятся и во «внутренний» (психологический) конфликт («я — я»). Традиционно «пограничная» ситуация требует необратимого поступка, тогда как в пьесах конца XX — начала XXI вв. действует подчеркнуто «негероический» герой, не способный к активному

---

*На это указывают такие исследователи, как Г. Белая, С. Великовский, И. Гнездилова, В. Заманская, Ю. Сипко.

сопротивлению, не осознающий себя субъектом выбора. Его противостояние с миром затрагивает лишь духовно-психологическую сферу, что приводит к «нивелированию» конфликта, который выражается «не прямым столкновением противоборствующих сторон, а решается как неприятие, несогласие героев» [3, с. 79–80].

Экзистенциальная ситуация, предопределившая подобную организацию конфликта, восходит к модели «некритической» [9, с. 48], когда герою не угрожает физическая гибель, но он осознает невозможность существовать в мире, дисгармоничность которого раскрыта в социально-экзистенциальном ключе. Это мир, где безнаказанное попрано человеческое достоинство («Маленькие радости живых» Е. Поповой), отсутствует творческая самореализация («...Sorry» А. Галина), где человек угнетен нищетой («Собачий пир» В. Мережко, «Ништяк» Л. Проталина), тотальным одиночеством («Рогатка», «Сказка о мертвой царевне» Н. Коляды), потерей нравственно-духовных ориентиров («На втором этаже трое смотрят на солнце» А. Сеплярского). Многочисленные проявления социального негатива в этих произведениях и воплощают «пороговую» ситуацию, «постутопическое состояние времени и человека» [7, с. 43].

Именно такая ситуация лежит в основе пьесы Е. Поповой «Маленькие радости живых». Исходное сюжетное положение некритично, внешнее сценическое действие сведено до минимума: в номере московской гостиницы случайно встречаются разные в социально-нравственном отношении люди: партийный функционер Вовочка, «советская аристократка» Маргоша, будущий эмигрант Давид и отягощенная бытовыми трудностями Лиля. Внимание сосредоточено на «внутреннем» действии, основанном на переживании дисгармонии «переходной эпохи», катализатором которого становится на первый взгляд незначительное событие (интрига Маргоши с целью унижить Лилю). Однако именно попраное человеческое достоинство неожиданно рождает чувства незащищенности, онтологического сиротства, свидетельствующие о непрочной человеческой позиции в мире, ввергнутом в хаос кардинального переустройства. Таким образом, «внешний» конфликт, развивающийся по линии «герой-обстоятельства», обретает философскую перспективу, скрытую в подтексте.

Имплицитно присутствует «пограничная» ситуация и в произведениях бывших представителей «новой волны». Наиболее близкой для Е. Поповой в плане пространственно-временной организации и «сюжетного обрамления» конфликта стала пьеса М. Ворфоломеева «Срок проживания окончен», действие которой также происходит в гостиничном номере, несущем семантическую нагрузку хронотопа дороги (мотивы риска, неприкаянности, неопределенности судьбы).

Существенное отличие между произведениями белорусского и русских драматургов состоит в авторской интерпретации исхода экзистенциального противоречия человека и мира. Большинству русских авторов присуще его пессимистическое видение, что обусловило выбор героями «конечной абсурдности» [10, с. 43]. Пройдя через «пороговую» ситуацию, они остаются глубоко

отчужденными от мира и друг от друга: единению Звонарева и Рассединой препятствует сосредоточенность на собственных проблемах («...Soggy» А. Галина), выбирают самоубийство Жанна («Собачий пир» В. Мережко), Инна («На втором этаже трое смотрят на солнце» А. Сеплярского).

В отличие от вышеперечисленных, в произведениях Е. Поповой («Маленькие радости живых»), Н. Коляды («Рогатка», «Мурлин Мурло», «Сказка о мертвой царевне»), М. Ворфоломеева («Срок проживания окончен») обнаруживается тенденция к разрешению субстанциального конфликта, симптомом которой становится выбор «высшего смысла». Не допуская реальной победы героя над условиями среды, драматурги отстаивают право на победу духовную, экзистенциальную, открывающуюся в принятии Другого, приобщении к миру через сострадание.

При этом, если персонажи М. Ворфоломеева ориентируются на идею социальной справедливости, герои Н. Коляды — на самооценку жизни на пороге смерти, то для пьесы Е. Поповой концептуальным понятием является «малый мир» («маленькие радости»), частная жизнь обыкновенного человека, обладающая в ее понимании непреходящей значимостью.

Одним из воплощений «некритической» экзистенциальной ситуации становится и эмиграция. Внимание этой проблеме уделено в пьесах «Домой» Е. Поповой, «Титул» А. Галина, «По дороге к себе» М. Арбатовой, «Полонез Огинского» Н. Коляды. Утрата связи с родным пространством способствует выявлению духовно-психологического состояния человека, осуществляющего выбор своей судьбы. Конфликт этих пьес на внешнесобытийном уровне реализуется как противостояние героя и неблагоприятной среды заграницы (линия «герой — обстоятельства»), которое варьируется в различных микроситуациях. К ним относятся встреча соотечественников («Домой» Е. Поповой), возвращение на родину («Полонез Огинского» Н. Коляды), попытка вписаться в «чужое» пространство («Титул» А. Галина, «По дороге к себе» М. Арбатовой). Как видим, на этом уровне семантическую нагрузку в конфликтогенной сфере несет пространственная оппозиция «свое — чужое».

Линия «герой—обстоятельства» аккумулирует внутриличностные противоречия («я — я»): следствием эмиграции становится кризис частной жизни, принципы авторского видения причин которого позволяют обозначить две тенденции.

В одних произведениях («Титул» А. Галина, «По дороге к себе» М. Арбатовой) данный аспект конфликта затрагивает проблему самоутверждения в «чужом» пространстве, что придает им более оптимистическую тональность. Драматурги не отказывают героям в возможности благополучно преодолеть «внутреннюю» раздвоенность, что воплощают волевое стремление к материальной независимости (Наташа в пьесе А. Галина), поиск аутентичного существования (сцена «очищения» себя и мира в пьесе «По дороге к себе» М. Арбатовой).

В других пьесах («Домой» Е. Поповой, «Полонез Огинского» Н. Коляды) причины «внутреннего» конфликта видятся в экзистенциальной, непреодолимой вине героя перед собственным прошлым, привносящей в художественную

атмосферу отчетливый трагический аккорд. Так, не дающая покоя совесть, вина героев перед собой определяет их духовное состояние в пьесе Е. Поповой «Домой». По своей сюжетной организации она продолжает философско-этическую траекторию, заданную более ранними пьесами белорусского драматурга об эмиграции («Прощание с Родиной», «Странники в Нью-Йорке»), однако запечатлевает перипетии судеб героев непосредственно в пространстве заграницы, моделируя экзистенциальную (а не повседневно-бытовую, как ранее) ситуацию. Ею становится случайная встреча бывших влюбленных Ивана и Елены в доме Фрау, обернувшаяся преступлением и трагедией: физической гибелью (Иван и Елена), нравственно-духовном «фиаско» (Фрау).

«Внешний» конфликт «герой — обстоятельства», осложненный детективной интригой (попытка ограбления Фрау), разрешается лишь формально, переходя на экзистенциальный уровень, скрытый в подтексте. Здесь он выстраивается как столкновение человека и неумолимого рока, разбивающего его жизнь. Фатальная неустроенность героев становится расплатой за неаутентичное существование, несправедливое прошлое, лишает их будущего.

Так открывается еще одна сфера проявления конфликта — «сфера мироощущения», акцентирующая противоречия в душе героя [4, с. 158]. Пребывание за границей, расцениваемое как ситуация краха иллюзий, порождает чувство незащищенности, крайнюю степень отчуждения. Как следствие — идея возвращения, к которой приходят персонажи, видя в ней единственно возможную экзистенциальную стратегию. Не случайно один из них (Иван) уходит из жизни, произнося: «Домой», — вынесенное в заглавие пьесы.

Стремление вернуться на Родину как попытку преодолеть психологический конфликт демонстрирует и «Полонез Огинского» Н. Коляды. Однако смысловые доминанты, избранные белорусским и русским драматургами, свидетельствуют о типологических отличиях их пьес. Если в драме Е. Поповой экзистенциальный кризис порожден крахом любовных взаимоотношений, то в произведении Н. Коляды в этом качестве выступает невозможность вернуть прошлое, локализованное в хронопоте детства.

Расхождение авторских стратегий затрагивает и взаимодействие сторон конфликта «герой — обстоятельства». В пьесе Е. Поповой в экстремальной ситуации оказывается волевая, целеустремленная личность, которая сталкивается с неумолимым роком, расплачиваясь за ошибки прошлого собственной жизнью. Воплотившие ее образы Фрау и Елены репрезентируют экзистенциальную стратегию бунта. В отличие от пьесы Е. Поповой, у Н. Коляды конфликт «симулятивен» [5, с. 27]: сталкиваясь с несовершенством жизни, герои уклоняются от активного действия, единственно возможной онтологической перспективой становится для них бегство (в финале эмигранты возвращаются за границу).

Как видим, моделируя общую «некритическую» экзистенциальную ситуацию, Е. Попова и ее русские коллеги придерживаются различных идейно-художественных стратегий. Произведения бывших представителей «новой волны» (А. Галина, В. Мережко, А. Сеплярского, Л. Проталина) в большинстве

своим демонстрируют неблагоприятный исход субстанциального конфликта, что сообщает им пессимистическую тональность, атмосферу безысходности, лишь изредка сменяемую «высокой экзистенциальной надеждой» [7, с. 7] (М. Ворфоломеев, Н. Коляда). В отличие от них, пьесы Е. Поповой лишены беспросветного отчаяния, что свидетельствует о более оптимистичном мировосприятии, отражающем, с нашей точки зрения, как национальную ментальность в ее традиционном понимании (толерантность, терпение), так и личную позицию драматурга. В ее основе — «скептическая этика», попытка «примирения с неизбежной несвободой и притяжения жизни во всем ее многообразии» [6, с. 100].

Литература

1. Больнов, О. Ф. Философия экзистенциализма / О. Ф. Больнов; пер. С. Э. Никулина. — СПб., 1999. — 222 с.
2. Великовский, С. Грани «несчастливого сознания»: театр, проза, философская эссеистика, эстетика Альбера Камю / С. Великовский. — М.: Искусство, 1973. — 240 с.
3. Гончарова-Грабовская, С. Я. Комедия в русской драматургии конца XX — начала XXI века: учеб. пособие / С. Я. Гончарова-Грабовская. — М.: Флинта: Наука, 2006. — 280 с.
4. Гончарова-Грабовская, С. Я. Художественная парадигма русскоязычной драматургии Беларуси / С. Я. Гончарова-Грабовская // Русскоязычная литература Беларуси конца XX — начала XXI века: сб. науч. ст. / редколл.: С. Я. Гончарова-Грабовская, И. С. Скоропанова, У. Ю. Верина. — Минск, 2010. — С. 156–168.
5. Журчева, О. Природа конфликта в новейшей драме XXI века / О. Журчева // Новейшая драма XX — XXI вв.: проблема конфликта: материалы науч.-практ. семинара, 12–13 апр., г. Тольятти / сост. и отв. ред. Т. В. Журчева. — Самара: Универс групп, 2009. — С. 18–27.
6. Земляной, С. Н. К философии несвободы / С. Н. Земляной // Мир философии — мир человека: сб. ст. / редколл.: Ю. Н. Солонин [и др.]. — М.: Гуманитарий, 2007. — С. 86–103.
7. Липовецкий, М. «Свободы черная работа»: об «артистической прозе» нового поколения / М. Липовецкий // Воп. литературы. — 1989. — № 9. — С. 3–45.
8. Поляков, М. В мире идей и образов: историческая поэтика и теория жанров / М. Поляков. — М.: Сов. писатель, 1983. — 367 с.
9. Сипко, Ю. Н. Экзистенциальное содержание петербургской прозы конца XX века: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / Ю. Н. Сипко. — Ставрополь, 2006. — 244 с.
10. Франкл, В. Э. Воля к смыслу / В. Э. Франкл. — М.: Апрель-пресс: ЭКСМО-пресс, 2000. — 366 с.

Ольга Полукошко (Минск)

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ В ПРОЗЕ БЕЛОРУССКИХ РУССКОЯЗЫЧНЫХ ПИСАТЕЛЕЙ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА

Историческая проза — один из самых интересных жанров. Привлекательность этого жанра во многом обусловлена его двойственной природой, т. е. соединением науки и искусства, исторического факта и художественного вымысла. Писатели не только изображают яркие, эмоциональные картины прошлого, но и стремятся формировать у читателя четкую гражданскую позицию. Однако, как и ученому, писателю не всегда удается избежать определенной тенденциозности, односторонности в трактовке событий, оценке той или иной исторической личности. Это обусловлено, не в последнюю